

АННА КАРЕНИНА

ИЗМЕНА
Когда рушатся стены

Анна Каренина

Измена. Когда рушатся стены

«Автор»

2026

Каренина А.

Измена. Когда рушатся стены / А. Каренина — «Автор», 2026

Делаю шаг и толкаю дверь спальни. Мир рассыпается в одно мгновение. На нашей постели лежат двое. Руслан и какая-то девушка. Муж вскакивает, простыня падает на пол:— Вероника, я всё объясню— Руслан, оставь нас. Я хочу поговорить с ней. Девушка садится на край дивана. Простыня сползает с плеча, волосы растрепаны, глаза блестят. Сначала кажется, что она вот-вот заплачет.— Послушай, — начинаю я спокойно, — мне жаль, что ты оказалась в этой ситуации. Я не знаю, была ли ты в курсе, что он женат. Но знай одно: тут нет победы. Если он изменил мне, он изменит и тебе. На мгновение её губы дрожат, но потом вдруг появляется улыбка — дерзкая и нахальная. — Думаете, я вас послушаю? — произносит она с издевкой. — Вы просто ревнуете. Вы держали его в клетке двадцать пять лет, а я его освободила. Он настоящий мужчина, вы просто не умели его ценить. А я умею. У нас будет ребёнок. И будущее.

© Каренина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анна Каренина

Измена. Когда рушатся стены

Глава 1

Вероника

Я люблю возвращаться домой в свою квартиру. Этот момент всегда особенный, как будто сам воздух в квартире встречает меня объятиями. Открываю дверь, и в груди сразу разливается ощущение, что наконец-то всё вокруг — моё, настоящее, родное. Я могу быть где угодно: в лучших аэропортах, в люксовых гостиничных номерах, на важных переговорах, но только здесь, в этих стенах, я чувствую себя живой.

Сегодня это ощущение особенно острое. Командировка вымотала меня так, словно кто-то выжал все силы из тела и души одновременно. Несколько дней подряд в Сургуте в бесконечных встречах, звонках и дежурных улыбках. Я должна была прилететь завтра, но контракт подписали неожиданно быстро, и я возвращаюсь на сутки раньше. Какая-то детская радость — увидеть Руслана, обнять его, сказать: «Я дома, сюрприз» и прижаться к его заросшей щетиной щеке.

Мы женаты двадцать пять лет, и, наверное, такие жесты давно должны были потерять значение, но я всегда верю, что привычность — это не приговор, и что можно и после четверти века сохранять нежность.

Вхожу в квартиру - прихожей полумрак. Ставлю чемодан у стены, снимаю пальто и улыбаюсь сама себе: всё, можно выдохнуть - я дома. Сейчас пройду на кухню, налью воды, а потом — к нему. Наверняка уже спит. Будет приятно разбудить поцелуем.

Но на пороге спальни я замираю.

Сначала до меня доносится звук. Едва различимый, как будто кто-то шепчет или дышит слишком громко. Делаю шаг и толкаю дверь.

Мир рассыпается в одно мгновение.

На нашей постели, где мы вместе засыпали сотни, нет, тысячи ночей — лежат двое. Руслан и какая-то девушка.

Она юна до невозможности. Первая мысль, как удар в висок: ей не больше, чем нашему сыну: лет двадцать, может двадцать три.

Руслан вскакивает, простыня падает на пол. Он в растерянности, волосы взъерошены, губы приоткрыты. Девушка садится, прижимая подушку к груди и смотрит на меня глазами испуганной лани. На её лице — шок и страх, как у школьницы, не выучившей урок.

Я в таком шоке, что тоже пока ничего не могу сказать: стою и хлопаю глазами. Это похоже на то, как смотришь на сварку: понимаешь, что нельзя, что глаза ослепнут от этого резкого света, но взгляд всё равно прикован. Вот так и я: понимаю, что это зрелище разрушает меня изнутри, но стою, вцепившись глазами в эту картину, будто в наказание самой себе.

— Вероника... — выдавливает Руслан, протягивая ко мне руку. — Подожди... я всё объясню...

Объяснит? Я смотрю на него и понимаю: нет слов, которые могут объяснить эту картину. Передо мной не мужчина, с которым я прошла двадцать пять лет. Передо мной человек, который умудрился потерять всё в одно мгновение.

— Оденся, — говорю я девушке тихо. — Идём поговорим.

Она вздрагивает, потом торопливо натягивает платье. Встаёт босиком и, не глядя на меня, проходит в гостиную. Руслан в спешке натягивает домашние штаны и порывается идти следом, но я останавливаю его взглядом.

— Руслан. Оставь нас. Я хочу поговорить с ней.

— Вероника, — он начинает умоляюще. — Давай без глупостей. Ну мы же... двадцать пять лет...

— Я сказала, оставь.

Слышу в своём голосе сталь. Он никогда такого от меня не слышал. Руслан отступает, будто ударенный. Стоит в дверях, не решаясь уйти окончательно, но я уже не смотрю на него.

Девушка садится на край дивана. Платье сползает с плеча, волосы растрепаны, глаза блестят. Сначала кажется, что она вот-вот заплачет.

— Послушай, — начинаю я спокойно, — мне жаль, что ты оказалась в этой ситуации. Я не знаю, была ли ты в курсе, что он женат. Но знай одно: тут нет победы. Если он изменил мне, он изменит и тебе.

На мгновение её губы дрожат, но потом она вдруг появляется улыбка — дерзкая и нахальная.

— Думаете, я вас послушаю? — произносит она с издевкой. — Вы просто ревнуете. Вы держали его в клетке двадцать пять лет, а я его освободила. Он настоящий мужчина, вы просто не умели его ценить. А я умею.

Руслан появляется в дверях и раздраженно кричит:

— Лиза, замолчи! Ты не понимаешь...

— Я всё понимаю, — перебивает она его, и голос её звенит. — У нас будет ребёнок. И будущее.

Внутри меня будто что-то трещит. Ребёнок.

Я смотрю на неё и говорю тихо:

— Мне тебя жаль. Очень. Потому что ты не понимаешь, кого выбрала. Ты увидишь, как он не держит слова и как бежит от трудностей. Ты узнаешь, что твой "мужчина" слаб. Но это будет твой урок.

Я поворачиваюсь к Руслану. Он стоит бледный, с опущенными руками.

— Знаешь, что самое страшное? — спрашиваю я. — Я не чувствую боли. Теперь мы оба свободны. Ты — от ответственности, а я — от иллюзий.

Он открывает рот, но я перебиваю:

— Завтра я вернусь сюда и хочу, чтобы к этому времени здесь не было ни тебя, ни твоих вещей, ни твоей любовницы.

Говорю спокойно, без крика, без дрожи в голосе. Так, как произносят слова, за которыми нет споров. Воздух в комнате становится плотным от напряжения. Руслан делает шаг ко мне, но останавливается, когда видит моё лицо. Он открывает рот, закрывает, снова пытается заговорить, но слова вязнут.

— Вероника... подожди, — он тянет руки, как будто может удержать то, что давно уплыло. — Мы же... у нас сын... у нас жизнь...

Двадцать пять лет вместе — и вот этот человек, взрослый мужчина, не может собрать внятной фразы, чтобы защитить хотя бы собственный поступок. Он как школьник, которого застали на месте кражи. Он привык, что я содержу дом, решаю вопросы, веду нас обоих за руку, но сегодня он впервые видит меня другой.

Лиза дерзко усмехается, пряча за этой улыбкой дрожь. Она всё ещё держится за подол платья, но глаза её сверкают злостью и юношеской самоуверенностью.

— Всё равно он останется со мной, — бросает она мне почти вызовом. — Хотите вы того или нет.

Я не отвечаю. Ей кажется, что в этой истории она что-то выиграла, но я вижу иначе: она даже не поняла, что проиграла с первой минуты.

Хватаю сумку, ключи, в коридоре задерживаюсь на секунду, будто прислушиваюсь к себе. Слез нет. Боли тоже нет. Есть ясность — чёткая, холодная, как вымытое стекло.

На улице ночь. Фонари заливают асфальт жёлтым светом, редкие машины проносятся мимо, шины шуршат по мокрой дороге.

Вызываю такси и еду в ближайший приличный отель. Прикрываю глаза и ловлю себя на мысли, что если бы мои родители были живы, им бы сейчас было невыносимо больно. С некоторым облегчением думаю, хорошо, что они не дожили до этого дня. Отец бы молчал, сдержанно и сухо, глядя поверх очков, а мама, с её безошибочным чувством людей, сказала бы всё тем же спокойным тоном, которым когда-то предупреждала:

– Не тот он, Ника, не выдержит он тебя и твоей жизни, он к твоей силе присосется, а не рядом пойдёт.

Я тогда сердилась, потому что мне казалось, что в этом снобизм дипломата, а сейчас понимаю, что дело было не в их круге, а в яйцах, которых у Руслана никогда не было.

Да, хорошо, что они не видят, что со мной произошло, потому что их бы это очень ранило и разочаровало.

Мы познакомились с Русланом на первом курсе, и он добивался меня терпеливо и настойчиво: встречал у выхода после пар, находит смешные поводы, чтобы идти рядом, приносил полевые цветы, писал на тетрадном листе стихи и смущенно прятал глаза. Конечно, родители его сразу не приняли. Отец показал мне информацию из досье: мать — уборщица в школе, отец работает слесарем и каждый день пьёт.

Я тогда спорила с ними до хрипоты. Казалось, что они смотрят сверху вниз, что не дают мне права на собственный выбор. Я говорила, что происхождение — это не приговор, что неважно, кем работает его мать или сколько пьет его отец. Мне было двадцать, и я упрямо верила, что любовь сама по себе способна перевернуть всё. Руслан казался мне тихим, надёжным, настоящим. Мне нравилось, что он смотрит на меня так, как будто я для него центр вселенной.

Они смирились только тогда, когда узнали, что я беременна. Я сказала им прямо: или вы принимаете мой выбор, или я уйду. И родители уступили. Руслан вошёл в нашу семью не потому, что его приняли, а потому что я настояла. И все эти годы я жила с мыслью, что отстояла своё счастье. Только теперь понимаю: я отстояла не любовь, а собственное упрямство.

До отеля добираюсь за десять минут. Захожу в номер, разуваясь, скидываю пальто на кресло и падаю на постель, не раздеваясь. Всё внутри гудит, только это не усталость от дороги — это та ночь, которую я никогда не смогу забыть.

Достаю из сумки блистер с таблетками — давно привыкла держать их под рукой в командировках. Глотаю одну всухомятку, лишь бы быстрее провалиться в забытие. Не хочу думать, не хочу крутить в голове их лица, его руки, её улыбку. Хочу закрыть глаза и провалиться в пустоту, где нет ни Руслана, ни Лизы, ни двадцати пяти лет, перечеркнутых за одну ночь.

Глава 2

Вероника

Открываю глаза и пару секунд не понимаю, где нахожусь. Белые стены, ровный свет через плотные шторы, лежу и смотрю в потолок. Вчерашний вечер врезался в память так, будто его кто-то выжег каленым железом. Деталь за деталью, взгляд за взглядом. Лиза, с её испуганными глазами и дерзкой улыбкой. Руслан, беспомощный и жалкий и я — стоящая на пороге, холодная, с ясной головой и неожиданной твердостью в голосе.

Поднимаюсь, сажусь на край кровати и чувствую, как мое тело словно налито свинцом. Достая телефон — экран мигает десятками непрочитанных сообщений. Руслан. Одно за другим. «Прости». «Давай поговорим». «Ты всё не так поняла». «Я тебя люблю». Я листаю их, и внутри не шевелится ничего. Ни жалости, ни злости. Как будто он пишет не мне, а какой-то другой женщине.

В ванной долго стою под душем, давая воде стекать по лицу, по плечам, по телу, словно надеясь смыть не только усталость, но и весь этот вчерашний грязный вечер. Но вода умеет только омыwać кожу. Душу она не очищает.

В ресторане заказываю кофе и омлет. Сажусь за столик у окна и впервые за много лет ловлю себя на том, что я не знаю, чего хочу. В работе у меня всегда есть план, расписанный по пунктам. Я привыкла к контролю, привыкла держать всё в руках — проекты, людей, ситуации. Но сейчас... сейчас планов нет. Есть только пустота.

Кофе горький, еда кажется безвкусной. Я ем потому что так нужно, чтобы тело не рухнуло. Люди вокруг шумят, смеются, кто-то громко обсуждает поездку, кто-то фотографирует еду на телефон. Я смотрю на них и думаю: как легко им дышится. И как тяжело сейчас дышу я.

Через час я уже стою у двери своей квартиры. Сердце бьётся часто, как будто предупреждает: внутри не всё кончено. Но я поворачиваю ключ.

Руслан дома. Он сидит в гостиной на диване, но сразу вскакивает, и в его движении нет той уверенности, которая когда-то мне нравилась. Он словно боится меня.

— Вероника... — голос хриплый, срывающийся. — Прости меня. Я умоляю. Я всё исправлю. Я не могу без тебя.

И вдруг он опускается на колени. Его руки тянутся ко мне, пальцы дрожат. Я смотрю на него сверху вниз и снова понимаю: не чувствую ничего. Ни жалости, ни любви. Только усталость.

— Уходи, — произношу четко. — Я никогда тебя не прощу!

— Я не уйду! — он резко встает. В глазах уже дерзость. — Я тут прописан. Уходить мне некуда! Это и мой дом тоже.

— Нет, Руслан. Это мой дом. Квартира моих родителей. Ты жил здесь, потому что я позволяла. Но теперь — нет.

Он хватается за мои руки, но я отдергиваю. Его пальцы слабые, липкие, как будто пытаются удержать что-то, чего уже нет.

— Мне всё равно, что ты говоришь, — он шепчет, почти захлебываясь. — Я отсюда не уйду.

Опускаю голову и пытаюсь сообразить что мне делать дальше. Находиться с ним в одной квартире я не смогу, жить в отеле, пока не закончится бракоразводный процесс - тоже не хочу.

Стою посреди прихожей, смотрю на человека, с которым прожила четверть века, и не узнаю в нём никого. Ни мужа, ни партнёра, ни друга. Просто мужчину, который вцепился в стены, в прописку, в формальные слова «мой дом», потому что всё остальное у него уходит из-под ног.

Смешно: двадцать пять лет назад я думала, что в нем есть стержень, а сегодня вижу — только привычка держаться за чужую силу. Мою силу. Он тянется ко мне руками, а я чувствую лишь липкость и пустоту.

Я закрываю глаза на секунду.

— У тебя есть два часа, — говорю спокойно. — Потом вернусь и если ты не уйдёшь, то я вызову полицию.

— И что? — он поднимает подбородок вверх. — Дальше что? Я тут прописан! Я твой муж! И буду жить в этой квартире, поняла? Даже если ты разведёшься - ты он меня так просто не избавишься!

— Правда? — я поднимаю бровь. — А если не просто? Что ты хочешь за то, чтобы собрать вещи и убраться из этой квартиры?

— Вот это уже другой разговор! — он ставит руки в боки. — Я подумаю и сообщу тебе вечером!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.